Характеристическія замѣтки и воспоминанія о графѣ Ростопчинѣ.

I.

Графъ Ростопчинъ будетъ извѣстенъ въ исторіи, какъ Ростопчинъ 1812-го года, Ростопчинъ Москвы, Ростопчинъ пожарный: нѣчто въ родѣ патріотическаго Эрострата, озарившаго имя свое заревомъ пожара; но мѣсто, занятое въ исторіи нашимъ Эростратомъ, почетнѣе мѣста отведеннаго Ефезскому.

Между тѣмъ въ графѣ Ростопчинѣ было нѣсколько Ростопчиныхъ. Подобная разнородность довольно присуща Русской натурѣ. У насъ мало цѣльныхъ личностей; избраннѣйшіе изъ Русскихъ бываютъ, болѣе или менѣе, готовы на всѣ руки. Можно раздѣлить насъ на два разряда: люди на все годные, и люди ни къ чему неспособные. Которыхъ болѣе: это другой вопросъ, на который отвѣта не даемъ. Дѣло въ томъ, что мы рѣдко готовимся предварительно къ чему нибудь опредѣленному. Такой у насъ уже климатъ. Въ теченіи года у насъ много короткихъ дней: и въ жизни нашей также. Воспитаніе не успѣваетъ перерождать насъ, мало успѣваетъ и обогащать. *Некогда* есть роковое слово, которое часто у насъ слышится. Какъ-бы то ни было, мы созданія, или изданія, не специальныя, а болѣе энциклопедическія и эклектическія. Мы справочные словари, а не трактаты. Въ избранныхъ натурахъ подобная смѣсь, подобная плодоносность имѣютъ достоинство свое, но имѣютъ свои невыгоды и недостатки. Такое явленіе бываетъ обыкновенно принадлежностью молодыхъ гражданскихъ обществъ, которыя воспитаніемъ и образованностью еще нестрого распредѣлены на извѣстные участки; экономическое правило *раздѣленія работы* есть уже слѣдствіе и плодъ позднѣйшихъ опытовъ и установившагося порядка. Первообразъ нашей образованности, нашего просвѣщенія, есть всесторонній Петръ I. Онъ былъ и воинъ, и мореходецъ, и плотникъ, и *химикъ, и ботаникъ* домостроитель и заводчикъ, и такъ далѣе, и такъ далѣе: все что угодно, все что на мысль придетъ. Когда барыня Россія попроситъ весь туалетъ: онъ, коллективное лице, является одинъ на призывъ ея.

Петръ былъ державный Робинсонъ Крюзоэ, на своемъ необитаемомъ островѣ. Правильно, или нѣтъ, это опять другой вопросъ, на который также отвѣчать не беремся; но Петръ и Россію свою признавалъ пустыннымъ островомъ, и порѣшилъ превратить его собственноручно въ Европейскій вертоградъ. Сказано и сдѣлано.

Въ Ростопчинѣ, сверхъ этой Русскимъ свойственной воспріимчивости и гибкости, была еще какая-то особенная и крѣпко выдающаяся разноплеменность. Онъ былъ коренной Русскій, истый Моск-

вичъ, но и кровный Парижанинъ. Духомъ, доблестями и предубѣжденіями былъ онъ того закала, изъ котораго могутъ въ данную минуту явиться Пожарскіе и Минины; складомъ ума, остроуміемъ, былъ онъ, ни дать ни взять, настоящій Французъ. Онъ Французовъ ненавидѣлъ и ругалъ на чисто-Французскомъ языкѣ; онъ поражалъ ихъ оружіемъ, которое самъ у нихъ заимствовалъ. Въ умѣ его было болѣе блеска, внезапности, нежели основательности и убѣжденія. Парафразируя извѣстное изрѣченіе, можно сказать о немъ: grattez le Russe, vous trouverez le Parisien. Или: grattez le Parisien, vous trouverez le Russe, grattez encore, vous retrouverez le Tartare. Что ни говори, а въ нашемъ Парижанинѣ отсѣло нѣсколько крупныхъ каплей Тамерланской крови. Впрочемъ онъ самъ не отрекался отъ Татарскаго происхожденія; подъ однимъ изъ портретовъ своихъ написалъ онъ:

Je suis né Tartare
Et j'ai voulu être Romain;
Les Français m'ont fait barbare,
Et les Russes Georges-Dandin.

Онъ же разсказывалъ, что Императоръ Павелъ спросилъ его однажды:

— Вѣдь Ростопчины Татарскаго происхожденія?

— Точно такъ, Государь.

— Какъ-же вы не князья?

— А потому, что предокъ мой переселился въ Россію зимою. Именитымъ Татарамъ-пришельцамъ, лѣтнимъ цари жаловали княжеское достоинство, а зимнимъ жаловали шубы.

Можно бы до безконечности продлить списокъ разнородныхъ качествъ, аномалій, антитезъ, междоусобныхъ стихій, которыя составляли личность Ростопчина. Не думаю, чтобы въ немъ была основа государственнаго человѣка, не въ общемъ смыслѣ слова, а въ частномъ примѣненіи его. Мы часто называемъ государственными людьми ловкихъ и удачно возвысившихся чиновниковъ. Истинные государственные люди рѣдки. Исторія считаетъ ихъ много что десятками. Государственный человѣкъ есть тотъ, который, участвуя въ общественныхъ дѣлахъ, оставляетъ по себѣ на государствѣ слѣдъ, если не вѣчный, то прочный и многознаменательный. Но Ростопчинъ могъ быть хорошимъ администраторомъ; онъ имѣлъ Русское чутье, Русскую сноровку и много родственнаго съ народомъ. Не будь онъ такъ страстенъ, запальчивъ въ мнѣніяхъ и сужденіяхъ своихъ, онъ былъ бы отличный дипломатъ. Продолжалъ бы онъ военную службу, онъ, безъ сомнѣнія, внесъ-бы въ лѣтописи наши имя храбраго, распорядительнаго, энергическаго военачальника. Въ годы отдыха или опалы, когда онъ жилъ въ деревнѣ, онъ съ любовью и дѣятельностью занимался сельскимъ хозяйствомъ: дѣлалъ изысканія, обращалъ вниманіе на улучшеніе полевыхъ работъ, выписывалъ изъ-за границы сельскія орудія и пытался усвоить ихъ Русскому работнику. Улучшеніе нашего скотоводства, и особенно коннозаводства, входило также въ кругъ любимыхъ заботъ его. Онъ былъ противникъ освобожденія крестьянъ, по крайней мѣрѣ при современномъ ему положеніи Россіи, но разумѣется, не былъ изъ числа такъ называемыхъ *крѣпостниковъ*, противъ которыхъ, заднимъ числомъ и заднимъ умомъ, такъ еще горячатся публицисты и повѣствователи.

При другихъ обстоятельствахъ и другой обстановкѣ жизни мы могли-бы имѣть въ Ростопчинѣ писателя замѣчательнаго и первостепеннаго, подражателя и пополнителя школы Ф. Визина: умъ и способности его были еще болѣе гибки, оригинальность болѣе разнообразна, веселость еще болѣе сообщительна, особенно слово его было болѣе бойко, ѣдко и взрывчато, чѣмъ у самого Ф. Визина. Все написанное Ростопчинымъ, начиная съ путевыхъ записокъ 1786 г. до позднѣйшихъ очерковъ пера его, носитъ на себѣ неизгладимый и всегда неизмѣнный Ростопчинскій отпечатокъ. Тутъ не ищи автора,—а найдешь человѣка. Языкъ часто неправиленъ, слогъ не обработанъ, не выдержанъ; но читатель отъ того не въ убыткѣ. Тамъ гдѣ писатель хочетъ авторствовать, какъ въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ произведеніяхъ, напримѣръ Le mystère des forêts, ou L'arbre bavard, La vérité sur l'incendie de Moscou, даже и комедія его «Живой убитый» (кажется такъ, имѣю подъ глазами одинъ Французскій переводъ), все это слабѣе, безличнѣе. Не слышишь груднаго голоса, не видишь передъ собою живаго человѣка, каковъ онъ есть. Видишь автора, слѣдовательно болѣе или менѣе лице условное, то есть актера. Ростопчинъ хорошъ и замѣчателенъ, когда онъ мыслитъ и пишетъ *въ слухъ*, когда онъ тотъ-же либимый и возсозданный имъ Сила Андреевичъ Богатыревъ. Искать его надобно особенно въ письмахъ его. Переписка его съ графомъ С. Р. Воронцовымъ *)—это горячій памфлетъ; но памфлеты обыкновенно и пишутся сгоряча на нѣсколькихъ страницахъ, на извѣстное событіе, или по извѣстному вопросу. А здѣсь памфлетъ почти полувѣковой и ни на минуту не остывающій. Живое отраженіе современныхъ событій, лицъ, городскихъ слуховъ и сплетней, иногда вѣрное, мѣткое, часто страстное и вѣроятно не вполнѣ справедливое, придаетъ этой перепискѣ, особенно у насъ, характеръ совершенно отличный. Нельзя оторваться отъ чтенія, хотя не всегда сочувствуешь писавшему; нерѣдко и осуждаешь его. Многому научишься изъ этой переписки, за многое поблагодаришь; но общее, заключительное впечатлѣніе нѣсколько тягостно. Бранныя слова такъ и сыплятся: онъ за ними въ карманъ не лѣзетъ; они натурально такъ и брызгаютъ съ пера. Не хотѣлось-бы помянуть покойника лихомъ, а невольно скажешь, что онъ былъ большой ругатель; но вмѣстѣ съ тѣмъ признаешься, что ругательство его часто очень забавно, и пришлось-бы сожалѣть, еслибы онъ менѣе ругался.

Отрывокъ его: «Послѣдній день Екатерины II и первый день царствованія императора Павла», это яркая, живая, глубоко и выпукло вырѣзанная на мѣди историческая страница. Не знаю, оставилъ-ли онъ по себѣ полныя памятныя записки свои; но, если онѣ были написаны такимъ мастерскимъ перомъ, какъ вышепомянутый отрывокъ, съ тою-же живостью и трезвостью, то нельзя не позавидовать потомкамъ, которые, въ свое время, могутъ прочесть эту книгу.

Монархистъ, въ полномъ значеніи слова, врагъ народныхъ собраній и народной власти, вообще врагъ такъ называемыхъ либеральныхъ идей, онъ съ ожесточеніемъ, съ какою-то мономаніею, idée fixe, вездѣ отыскивалъ и преслѣдовалъ Якобинцевъ и Мартинистовъ, которые въ глазахъ его были тѣже Якобинцы. Когда въ 1812-мъ году Жуковскій поступалъ въ ополченіе, Карамзинъ, предвидя, что едва-ли выйдетъ изъ него служивый воинъ, просилъ Ростопчина прикоман-

*) Въ VIII-й книгѣ Архива Князя Воронцова.

дировать его къ себѣ. Ростопчинъ отказалъ, потому что Жуковскій зараженъ Якобинскими мыслями. Къ слову пришлось: скажу, что и я подвергся такому-же подозрѣнію. Въ одномъ письмѣ его нашелъ я слѣдующую замѣтку о себѣ: «Вяземскій, стихотворецъ и Якобинецъ». А между тѣмъ, въ немъ самомъ, при данномъ случаѣ, могъ-бы народиться народный трибунъ. Въ немъ были къ тому и свойства, и замашки. Его влекло къ черни: онъ чуялъ, что могъ-бы надъ нею господствовать. *Мысли въ слухъ на Красномъ крыльцѣ* и такъ называемыя *Московскія афиши* могутъ подтвердить подобное предположеніе. Въ нихъ рѣчь обращается почти исключительно къ народу, то есть къ той средѣ, которая у Французовъ называется populace, а у насъ должна называться чернь. Дѣйствіе этихъ афишекъ было различно оцѣняемо въ Московскомъ обществѣ. Жуковскому онѣ нравились; Карамзинъ читалъ ихъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ; хотя и *Якобинецъ* по приговору Ростопчина, я рѣшительно ихъ не одобрялъ, и именно потому, что въ нихъ безсознательно проскакивали выходки далеко не консервативныя. Мнѣ тогда казалось, какъ и нынѣ кажется, что правительственнымъ лицамъ, въ какихъ-бы то обстоятельствахъ ни было, не слѣдуетъ обращаться къ толпѣ съ возбудительною рѣчью. Вопервыхъ толпа рѣдко принимаетъ и понимаетъ ихъ въ томъ значеніи и въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ онѣ сказаны; толпа всегда готова перейти за эти предѣлы. Вовторыхъ это—подливать горячее масло на горючія вещества, а въ такихъ веществахъ нигдѣ нѣтъ недостатка. Разумѣется, въ этихъ афишахъ или, такъ сказать, приказахъ по Москвѣ, было много и хорошаго и къ цѣли идущаго, то есть, къ сохраненію спокойствія въ столицѣ; но бывали и обмолвки, которыя могли прямо нарушить это спокойствіе. Въ одной изъ афишъ смѣется онъ надъ мужьями, которые въ видѣ *будущихъ* (выраженіе, употребляемое въ подорожныхъ) выѣзжаютъ съ женами своими. Смѣяться тутъ нечего. Нельзя требовать поголовнаго героическаго населенія. Выѣзжать изъ города, угрожаемаго непріятельскимъ нашествіемъ, дѣло довольно обыкновенное и благоразумное *). Въ другой афишѣ сказано (пишу съ памяти, но, если не буквально, то приблизительно вѣрно): «хватайте въ виски и въ тиски и приводите ко мнѣ, хоть будь кто семи пядей во лбу; справлюсь съ нимъ». Эти *семь пядей во лбу* никого иначе означать не могутъ, какъ дворянъ, людей высшаго разряда. Послѣ такой уличной расправы недалеко и до смертоубійства, особенно если *семи-пяденный* станетъ отбиваться и защищаться. Многіе кровавые государственные перевороты происходили изъ подобныхъ неожиданныхъ столкновеній. Москва отъ копѣечной свѣчки сгорѣла, говоритъ народная поговорка. Русскій Богъ, позднѣе, не спасъ ея отъ пожара; но, по крайней мѣрѣ, до пожара спасъ онъ ее отъ междоусобицы и уличной рѣзни. Впрочемъ нѣкоторымъ даромъ не обошлось. Довольно Нѣмцевъ поколотили, подъ предлогомъ, что они шпіоны; были и Русскія жертвы. Дворянинъ (кажется Чичеринъ) былъ признанъ толпою за шпіона и крѣпко побитъ за свое запирательство; а запирательство его заключалось въ томъ, что онъ былъ глухъ и нѣмъ отъ рожденія.

---

*) Напомнимъ читателямъ, что высокоуважаемый авторъ участвовалъ въ Бородинскомъ бою, и подъ нимъ убиты были въ этотъ роковой день двѣ лошади; см. его «Воспоминанія о 1812 годѣ» въ Русскомъ Архивѣ 1869 года. П. Б.

II.

Ростопчинъ былъ темперамента нервнаго, раздражительнаго, желчнаго. Мы это видимъ изъ писемъ его и частыхъ жалобъ на худое здоровье. По многимъ свидѣтельствамъ можно было-бы заключить, что онъ былъ натуры ненавистливой, неуживчивой, строптивой, неподатливой. Да и нѣтъ. Продолжительныя и неизмѣнчивыя связи его съ людьми, каковы кн. Циціановъ, герой Кавказа, гр. Воронцовъ, гр. Головинъ, Карамзинъ и другіе, доказываютъ между тѣмъ, что онъ былъ одаренъ сердцемъ способнымъ любить и счастливо выбирать друзей своихъ. Другія, второстепенныя личности, изъ приближенныхъ къ нему по случайностямъ службы, или другимъ частнымъ обстоятельствамъ, по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ нихъ, пользовались пріязнью и покровительствомъ его, долго по прекращеніи этихъ связывавшихъ обстоятельствъ. Отношенія подчиненныхъ или обязанныхъ лицъ къ начальнику или милостивцу, переживающія самые интересы этихъ отношеній, могутъ часто служить осёлкомъ и мѣриломъ для нравственной оцѣнки тѣхъ и другихъ. Прежде это было такъ; нынѣ это общинное, круговое начало ослабѣло. Начальники еще есть, пока они начальники; но о милостивцахъ совѣстно и помянуть. Въ наше время закидаютъ.

Служба Ростопчина при Императорѣ Павлѣ неопровержимо убѣждаетъ, что она не заключалась въ одномъ раболѣпномъ повиновеніи. Извѣстно, что онъ въ важныхъ случаяхъ оспаривалъ съ смѣлостью и самоотверженіемъ, доведенными до послѣдней крайности, мнѣнія и предположенія Императора, котораго оспаривать было дѣло нелегкое и небезопасное. Вѣроятно, бывали у него и тогда минуты, когда дѣло шло о сожженіи кораблей своихъ, какъ позднѣе о сожженіи Москвы; но рѣшимость никогда не измѣняла ему, когда была вызываема обстоятельствами и тѣмъ, что̀ онъ признавалъ долгомъ чести и совѣсти. Благодарность и преданность, которыя сохранилъ онъ къ памяти *благодѣтеля* своего (какъ всегда именуетъ онъ Императора Павла, хотя въ послѣдствіи и лишившаго его довѣренности и благорасположенія своего) показываютъ свѣтлыя свойства души его. Благодарность къ умершему, можетъ быть, доводила его и до несправедливости къ живому. Нерѣдко въ сужденіяхъ его о Императорѣ Александрѣ отзываются горечь и суровость, которыя производятъ прискорбное впечатлѣніе. Вообще, нечего сказать, не былъ онъ ни оптимистъ, ни благоволителенъ къ людямъ. Мольеръ нашелъ-бы въ немъ Альцеста своего. Уже въ молодости пробивалось презрѣніе его къ людямъ. Чѣмъ далѣе углублялся онъ въ жизнь и въ сообщество или, скорѣе, въ столкновеніе съ людьми, тѣмъ болѣе росло во всеоружіи своемъ и рѣзче выражалось это прискорбное и, можно сказать, болѣзненное свойство. Презрѣніе къ людямъ, то есть къ подобнымъ себѣ, можетъ быть недугъ наносный, которымъ заражаешься отъ пагубнаго прикосновенія къ другимъ; но можетъ быть оно недугъ и внутренній, спорадическій, самородный: тогда заraждается онъ отъ внутренняго разлада, отъ того, что человѣкъ болѣе или менѣе недоволенъ самъ собою. Избытокъ собственнаго неудовольствія разливается на другихъ. Этимъ вымещаешь на другихъ, съ больной головы на здоровую, чувство скорби и досады на себя.

Карамзинъ сказалъ:

Кто въ мирѣ и любви умѣетъ жить съ собою,
Тотъ радость и любовь во всѣхъ странахъ найдетъ.

Эти два стиха прозрачно вылились изъ чистой и безмятежной души. При всемъ уваженіи ко многимъ личнымъ достоинствамъ Ростопчина, позволю себѣ сказать, что именно этого мира, этой любви въ немъ, вѣроятно, и не было. Правда и то, что жизнь одного не походитъ на жизнь другаго. Карамзинъ велъ жизнь философическую: Ростопчинъ боевую, и такую боевую, которая далеко оставляетъ за собою ратную жизнь на поляхъ сраженій. Нравственная борьба съ людьми, событіями и тайными враждебными силами на поприщѣ придворной жизни и государственной дѣятельности, тягостнѣе всякой физической и тѣлесной борьбы. Это школа, въ которой можно пріобрѣсти много мужества и опытности, но можно растратить въ ней и много изъ своихъ внутреннихъ сокровищъ. Эта школа великая наставница, но не рѣдко и великая возмутительница.

Сказать-ли? Вообще, мы недовольно проникнуты нравственною мудростью Ефрема Сирина: «даруй ми зрѣти моя прегрѣшенія и не осуждати брата моего». Вся сила заключается въ этихъ немногихъ словахъ: ею пресѣкается взаимная вражда, и зиждется миръ въ человѣцѣхъ благоволенія. Пушкинъ, который стихами парафразировалъ эту молитву, говаривалъ, что она такъ и дышетъ монашествомъ. Мнѣ кажется, что въ ней есть общее человѣческое чувство, общая жалоба человѣческой немощи, призывающей свыше силу, которой она въ себѣ не находитъ. Эта молитва,—сокращенный курсъ житейской нравственной мудрости, равно пригодный и для монаха, и для мірянина, для христіанина и для язычника.

Между тѣмъ, этотъ Ростопчинъ-мизантропъ, отыскивающій въ людяхъ пороки, какъ астрономъ отыскиваетъ въ солнцѣ пятна, не былъ вовсе Ростопчинъ-нелюдимъ. Напротивъ, ему нужно, необходимо было сообщество людей, можетъ быть, какъ хирургу-оператору нужна клиника. Впрочемъ, это предположеніе, вѣроятно, слишкомъ изысканно и сурово. Скажемъ простѣе: уединеніе, отшельничество не могли ладить съ натурою его; онъ любилъ быть дѣйствующимъ лицемъ на живой и свѣтской сценѣ; ему, какъ актеру, отличающемуся великимъ дарованіемъ и художествомъ, нужны были партеръ и ложи, занятыя избранными и блестящими слушательницами. Особенно дорожилъ онъ послѣдними. Уже кѣмъ-то было замѣчено, что люди, прошедшіе чрезъ пылъ общественной, государственной дѣятельности и чрезъ пылъ и тревогу событій, особенно любятъ женское общество. Честолюбіе не мѣшаетъ быть волокитою и сердечкинымъ. Посмотрите на Потемкина. Въ письмахъ къ одной изъ своихъ пріятельницъ, называетъ онъ ее: «моя улыбочка!» Сколько поэзіи въ этомъ сердечномъ и шуточномъ выраженіи, и какъ неожиданно оно подъ перомъ великолѣпнаго и честолюбиваго князя Тавриды. Не знаю, былъ-ли Ростопчинъ способенъ на такую поэзію; но по многимъ даннымъ можно заключить, что и онъ не былъ равнодушенъ къ женской улыбкѣ.

Также, не знаемъ, чѣмъ былъ онъ дома по утрамъ; но вечеромъ, въ избранныхъ салонахъ, былъ онъ душою общества. Онъ прекрасно владѣлъ даромъ слова, порусски и пофранцузски. При немъ, охотникамъ говорить самимъ было мало простора. Да и невыгодно было-бы вступать съ нимъ въ совмѣстничество: должно было огра-

ничиваться тѣмъ, что̀ на театральномъ языкѣ называется *реплика* (la réplique). Разговоръ или, скорѣе, монологъ его былъ разнообразенъ содержаніемъ, богатъ красками и переливами оттѣнковъ. Онъ хорошо зналъ историческое царствованіе Екатерины и анекдотическое царствованіе Павла. Онъ былъ довольно искрененъ и распашистъ въ воспоминаніяхъ и разсказахъ своихъ. То отчеканивались на лету живыя страницы минувшаго, то разсыпались легкія, но бойкія замѣтки на людей и дѣла текущаго дня. Онъ, въ продолженіи рѣчи своей, имѣлъ привычку медленно и, такъ сказать, поверхностно принюхивать щепотку табаку, особенно, предъ острымъ словомъ, или при остромъ словѣ; онъ, табакомъ, какъ будто порохомъ, заряжалъ свой выстрѣлъ.

Ходили слухи, и кажется въ печати было передаваемо, что память о злополучной катастрофѣ Верещагина сильно подѣйствовала на послѣдніе годы жизни его, что она смущала и тревожила его безсонныя ночи, пугала видѣніями и такъ далѣе. Худо вѣрится мнѣ этимъ указаніямъ. Нѣтъ сомнѣнія, что весь 1812 годъ былъ способенъ потрясти сложеніе его, физическое и нравственное. Онъ вынесъ эту грозу на плечахъ своихъ. Послѣдствія благополучныя, которыя увѣнчали эту годину народною славою и возвысили нѣкоторыя имена, такъ сказать, миновали его. Онъ остался въ сторонѣ; развѣ одни нареканія и общее неудовольствіе пали на долю его. Изъ всей этой исторической драмы, въ которой могъ онъ вполнѣ признавать себя въ числѣ лицъ дѣйствующихъ, на первомъ планѣ, вынесъ онъ одно оскорбленное чувство честолюбія, оскорбленное сперва двусмысленными къ нему отношеніями князя Кутузова, потомъ — по его понятіямъ—неблагодарностью Москвичей, а въ концѣ всего охлажденіемъ, почти до неблаговоленія, Императора Александра. Это чувство выразилъ онъ, хотя и шутливо, но довольно вѣрно и съ оттѣнкомъ грусти, въ своемъ четверостишіи: J'ai voulu être Romain, et les Russes m'ont fait Georges-Dandin. Между всѣмъ этимъ, можетъ быть, и смерть Верещагина осталась темнымъ пятномъ въ памяти его; но она не легла незагладимымъ и неискупимымъ грѣхомъ на совѣсти его. Ни въ письмахъ его, ни, сколько мнѣ извѣстно, въ самыхъ потаенныхъ разговорахъ его съ приближенными ему людьми (напримѣръ, съ Александромъ Яковлевичемъ Булгаковымъ, отъ котораго могъ-бы я узнать правду), нигдѣ не отозвалась трагическая нота, которая звучала-бы угрызеніемъ совѣсти и раскаяніемъ. Посмотрите на него въ Парижѣ: онъ вполнѣ и какъ будто безъ всякаго отношенія къ минувшему, въ совершенной независимости отъ него, жилъ Парижскою жизнью, жизнью текущаго дня. Онъ слѣдитъ за движеніями его, посѣщаетъ салоны и въ нихъ завоевываетъ слушателей себѣ, охотно посѣщаетъ театры, особенно маленькіе, въ которыхъ разыгрываютъ забавныя и веселыя піесы; звучнымъ и громкимъ хохотомъ своимъ привѣтствуетъ онъ остроумныя глупости, съ простотою и художествомъ высказываемыя любимцемъ его, актеромъ Потье (Potier). Встрѣчалъ я его въ Петербургѣ, между прочимъ, въ салонѣ Свѣчиной, въ Москвѣ въ салонѣ графини Бобринской, для которой тогда же были имъ написаны шутливые и остроумные: «Mes mémoires, ou moi au naturel, écrits en dix minutes». Можно было при встрѣчахъ съ нимъ, здѣсь и тамъ, подъ наружнымъ блескомъ, замѣтить, что въ немъ уже не было первоначальнаго пыла и увлеченія; видно было, что взволнованная жизнь и тяжкія событія прошли по немъ и оставили довольно глу-

бокія бразды; видно было неудовольствіе жизнью, нѣкоторая усталость, пресыщеніе, пожалуй, нѣкоторое озлобленіе; но сердца ноющаго подъ язвою жгучаго и тяжелаго воспоминанія подмѣтить въ немъ рѣшительно было невозможно. Рѣчь его была еще раздраженнѣе, сужденіе о людяхъ еще суровѣе и оскорбительнѣе; но при томъ, были они мѣтки и замысловаты. Говоря вообще о такъ называемыхъ Декабристахъ, сказалъ онъ однажды: въ эпоху Французской революціи сапожники и тряпичники (chiffoniers) хотѣли сдѣлаться графами и князьями; у насъ графы и князья хотѣли сдѣлаться тряпичниками и сапожниками.

Въ доказательство его будто тревожныхъ ночныхъ, Гамлетовскихъ и Макбетовскихъ галлюцинацій указывали на безсонницы его. Да онъ, гораздо ранѣе 1812 года, былъ уже безпощадный полуночникъ, и полуночникъ эгоистическій. Бывало, когда пріѣдетъ къ кому нибудь на вечеръ, онъ засиживается до трехъ часовъ утра и далѣе. Гости разъѣдутся, хозяинъ пойдетъ спать, останется одна хозяйка. Въ ранней молодости моей, я самъ въ домѣ Карамзиныхъ бывалъ нерѣдко жертвою его ночнаго эгоизма. Изъ приличія, долженъ я былъ оставаться; иногда весело бывало заслушиваться разсказовъ его, а иногда и спать хотѣлось. Но онъ не любилъ рано возвращаться домой и выжидалъ урочнаго часа своего.

Хочется высказать еще нѣсколько словъ по поводу несчастнаго Верещагина. Дѣло его заключалось въ томъ, что въ 1812 году перевелъ онъ изъ запрещеннаго № Нѣмецкой газеты прокламацію Наполеона I при вступленіи въ Россію и сообщалъ другимъ свой переводъ. Тутъ преступнаго, преднамѣреннаго злоумышленія еще не видно; еще менѣе измѣны Отечеству. Могъ быть одинъ проступокъ. Кто, особенно въ молодости, не любопытствуетъ прочесть запрещенную книгу, запрещенную газету! Все это относится, болѣе или менѣе, къ свойственной человѣчеству слабости прельщаться и лакомиться запрещеннымъ плодомъ. Вся исторія человѣка основана на этой слабости. Но современныя, грозныя обстоятельства придавали дѣйствію Верещагина особенную важность. Ростопчинъ не могъ пропустить его безъ вниманія и безъ строгаго изслѣдованія; не могъ, какъ-бы то было въ обыкновенное время, ограничиться одною полицейскою расправою. На бѣду Верещагина, къ этому присоединилось еще одно обстоятельство: прикосновеніе къ дѣлу почтамтскаго вѣдомства. Верещагинъ познакомился съ прокламаціею, по сношеніямъ своимъ съ этимъ вѣдомствомъ. Ростопчину суждено было на служебной дорогѣ своей препираться съ нимъ. Въ царствованіе Павла онъ съигралъ злую шутку надъ Пестелемъ: здѣсь жертвою его палъ Ключаревъ. Московскій почтъ-директоръ слылъ Мартинистомъ, а въ предубѣжденномъ умѣ Ростопчина, Мартинистъ и государственный преступникъ—слова имѣющія одинакое значеніе *). По логической последовательности понятія глубоко вкоренившагося, даже если оно и заблужденіе, эти двѣ личности, Ключаревъ и Верещагинъ, воплотились въ одну; тотъ и другой-сообщники въ преступномъ умышле-

*) Позволимъ себѣ напомнить читателю записку графа Ростопчина о Мартинистахъ, составленную имъ для Великой Княгини Екатерины Павловны (Р. Архивъ 1875); тутъ онъ приписываетъ Мартинистамъ даже замыселъ цареубійства. Назначенный управлять центромъ Россіи всего за двѣ недѣли до вторженія Наполеона въ Русскіе предѣлы, знакомый близко съ пріемами На-

ніи противъ безопасности и цѣлости государства, и еще въ какое время? Когда побѣдоносный врагъ и такъ угрожаетъ разореніемъ и гибелью! Вотъ процессъ мышленія, который могъ зародиться и развиться въ головѣ Ростопчина. Развязку немудрено угадать. Медлить было нечего: Ключаревъ пока высланъ изъ Москвы, Верещагинъ отданъ подъ судъ. Въ преданіи его суду заключается уже приговоръ его. Все послѣдующее объясняется само собою; не оправдывается—сохрани Боже!—но только объясняется.

Между тѣмъ, и то сказать: юридическаго, достовѣрнаго изслѣдованія смерти Верещагина нѣтъ. Положительно только одно: онъ преданъ былъ смерти и на куски разорванъ черныо. Но какое было личное участіе самого Ростопчина въ этой кровавой расправѣ, достаточно не провѣрено, не рѣшено. Все основывается на отдѣльныхъ разсказахъ и догадкахъ. Догадка, что Ростопчинъ принесъ эту жертву для личнаго спасенія своего, не заслуживаетъ ни малѣйшаго довѣрія. Вопервыхъ, всею жизнью своею, характеромъ своимъ онъ отражаетъ эту догадку: никто не имѣетъ права опозорить ею имя его. Вовторыхъ, бояться ему народа, хотя столпившагося предъ домомъ его, было нечего: какъ Московскій генералъ-губернаторъ, оставляющій Москву, не добровольно, а въ силу неотвратимыхъ обстоятельствъ, онъ имѣлъ всѣ возможные способы отвлечь народъ и приказать ему собраться для совѣщанія въ совершенно противоположную часть города, а самъ благополучно при этомъ выѣхать другими улицами изъ города. Впрочемъ и безо всякаго созыва, могъ онъ улучить удобный часъ для выѣзда своего. Скорѣе уже можно заключить, что, по какому-то роковому вдохновенію, онъ намѣренно замедлилъ отъѣздомъ, чтобы сопоставить лицемъ къ лицу народъ и того, котораго признавалъ онъ измѣнникомъ народу. Ему могло казаться, что въ этомъ жертвоприношеніи совершаетъ онъ суровый, но налагаемый на него долгъ возмездія. Разумѣется, понятіе не христіанское, а болѣе языческое.

Въ страстномъ, возбужденномъ настроеніи своемъ, мало-ли что могло мерещиться ему? Онъ могъ думать, что одинъ въ Москвѣ, Верещагинъ, одинъ онъ во всей Россіи, способенъ радоваться побѣдамъ Наполеона и вступленію его въ Москву. А у самого Ростопчина душа скорбѣла до смерти о потерѣ Москвы. Въ ней видѣлъ онъ и потерю Россіи. Впрочемъ ему некогда и неудобно было разсуждать. Чувства и мысли его были взволнованы и мутны. Онъ задыхался отъ скорби и злобы. Онъ страдалъ. Страданіе и страсть (эти два слова сливаются иногда въ одномъ значеніи), при натурахъ подобныхъ Ростопчинской, не могутъ смиренно покоряться. Страданіе производитъ на нихъ напоръ и удрученіе, а они производятъ взрывъ. Вотъ его и взорвало.

Былъ слухъ, что, пользуясь полномочіями данными ему на это время императоромъ, онъ намѣревался вытребовать изъ Нижняго-Новгорода Сперанскаго, отъ графа Петра Александровича Толстаго. Онъ въ немъ также видѣлъ государственнаго измѣнника. Ему, еще болѣе нежели Кутузову, могъ онъ приписывать паденіе Москвы. Не

полеона еще съ самыхъ первыхъ шаговъ его политической дѣятельности, графъ Ростопчинъ не могъ вынести, чтобы въ Москвѣ такимъ чуткимъ нервомъ государственной жизни какъ почта (близко ему извѣстная при Павлѣ), завѣдывалъ Мартинистъ, бывшій вольноотпущенный крестьянинъ. *П. Б.*

ручаюсь за достовѣрность этого слуха, даже сомнѣваюсь въ ней. Но, во всякомъ случаѣ, существованіе этого слуха показываетъ, каково могло быть современное мнѣніе о Ростопчинѣ, о характерѣ и ничѣмъ несмущаемой и ни предъ чѣмъ не отступающей рѣшимости его.

Чувствую здѣсь необходимость оговориться предъ читателемъ. Напрасно видѣлъ-бы онъ во мнѣ присяжнаго защитника quand même, во что бы ни стало. Вообще защитники не по убѣжденію, а, такъ сказать, по наряду, которые сами не вѣруютъ въ защиту свою и въ право защищаемаго на оправданіе, возбуждаютъ во мнѣ сомнѣніе, а уже никакъ не желаніе слѣдовать примѣру ихъ. Я просто объясняю: очищаю вопросъ отъ прилѣпившихся къ нему паразитныхъ обстоятельствъ, можно сказать, сплетней.

Впрочемъ и я не предрѣшаю и не разрѣшаю вопроса: предлагаю однѣ догадки свои, болѣе умозрительныя и психическія, нежели юридическія. За неимѣніемъ положительныхъ и достовѣрныхъ уликъ, и такія догадки имѣютъ право на голосъ.

Знавалъ я людей, которые выдавали себя за очевидцевъ помянутой драмы; не сомнѣваюсь, что они и были очевидцами. Но очевидѣніе не есть еще достаточный авторитетъ. Уголовныя тяжбы представляютъ намъ примѣры разнорѣчивости въ показаніяхъ свидѣтелей. И не то, чтобы иные хотѣли затемнить истину: нѣтъ! Они просто сбиваются, потому что впечатлѣнія часто сбивчивы, потому что сами глаза часто сбивчивы. Мои очевидцы также не совсѣмъ бывали согласны въ показаніяхъ своихъ. Да къ тому-же они не имѣли свойствъ, которымъ свидѣтельства могутъ запечатлѣться историческою достовѣрностью. А мы вообще очень легковѣрны; мы охотно вѣримъ всѣмъ и всему. Печать наша не всегда и недовольно тщательно пропускаетъ чрезъ сито очистительной критики преданія, разсказы, анекдоты, которые попадаются ей подъ руки. Зерна, отребье, плодъ, шелуха, сбыточное и несбыточное, возможное и невозможное, ложь и правда, все валится, какъ оно есть, неочищенное, непровѣренное, непроцѣженное.

Въ заключеніе повторимъ, что прямое участіе графа Ростопчина въ смерти Верещагина положительно и юридически не доказано; слѣдовательно считать его виновнымъ въ той степени, какую обыкновенно приписываютъ ему, беззаконно и несправедливо.

Такимъ заключеніемъ я и себя обвиняю. Катастрофа Верещагина сильно, въ свое время, меня взволновала. Съ той поры, отношенія мои къ графу Ростопчину очень измѣнились и таковыми остались до самой кончины его. Когда старшій сынъ графа былъ посаженъ въ Парижскую долговую тюрьму, въ то самое время, въ которое былъ въ Парижѣ и отецъ (впрочемъ уже нѣсколько разъ выкупавшій сына изъ долговъ), я негодовалъ на подобное родительское жестокосердіе. Помню, что тогда писалъ я изъ Варшавы Карамзину, что заточеніе въ тюрьмѣ молодаго Ростопчина служитъ дополненіемъ къ смерти Верещагина. Карамзинъ очень любилъ и уважалъ Ростопчина; въ отвѣтъ на мой рѣзкій отзывъ получилъ я порядочную головомойку. Нечего и говорить, что Карамзинъ не могъ-бы примириться ни съ какимъ смертоубійствомъ; но онъ не могъ и рѣшиться на обвиненіе человѣка безъ неопровержимыхъ уликъ и суда.

Таково теперь мнѣніе и мое.

Поболѣе безпристрастія и терпимости еще не есть равнодушіе. Молодость прежде всего впечатлительна и неразборчива; въ молодости чувствуешь сильно и благодушно, но часто опрометчиво. Когда поживешь, начинаешь болѣе и обдуманнѣе испытывать.

1877.

Князь Вяземскій.